

Забайкальский рабочий
г. Чита

18 ИЮНЯ 1988 г.

3

Кино

«ТАК ХОЧЕТСЯ ПОЖИТЬ...»

«Об одном жалею — годы... Так хочется пожить по-человечески и поработать...» Те, кто уже посмотрел захватывающий кинофильм режиссера А. Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего...», с его беспощадным, честным, обнажающим анализом эпохи, общества, видимо, запомнил эту фразу. Сказал ее один из главных героев картины «политический» Копалыч — «шпион», а прежде — инженер Николай Павлович Скоробогатов. Произнес, когда вместе с другим ссыльным, Лузгой — Сергеем Басаргиным (актер В. Приемыхов) встал во весь рост на стороне правды против озверевших «бериевских птенцов» — выпущенных по амнистии после смерти Сталина на свободу уголовников.

Это были последние слова Скоробогатова в картине, затем он поднялся из-за укрытия, выстрелил в бандитов и упал убитый. Так и не вдохнул воздух свободы.

Это были последние слова удивительного человека, актера Анатолия Дмитриевича Папанова, которые услышали мы, зрители. Вскоре после съемок фильма его не стало...

Судьба подарила мне возможность несколько часов общаться с Анатолием Дмитриевичем. Случилась встреча в Иркутске, где в мае 1986 года гастролировал Московский академический театр сатиры. Итогом этих бесед стало интервью «Король Лир, «Ну, погоди!» и проблема Байкала», опубликованное 13 июля 1986 года в «Забайкальском рабочем». Но в него вошла только часть собранного материала. Оставшееся в записной книжке, как говорится, не «ложилось» в текст или же могло быть вычеркнуто в то время еще осторожной чьей-нибудь рукой. Думаю, сегодня читателям будет небезынтересно познакомиться с некоторыми фрагментами неопубликованной части беседы.

КАКИМ я увидел Папанова за кулисами? Только что закончилось выступление актера на сцене филармонии, утихли аплодисменты. На диване курил человек с безмерно усталыми глазами. Седой ежик волос. Чуть-чуть расслабленный галстук.

— Заходите, заходите! С молодежью мне всегда интересно поговорить, — пригласил он меня.

Темп гастролей был изматывающий. Но небольшой перерыв между двумя выступлениями он безоговорочно отдал интервью. Как, впрочем, и на следующий день, когда мы продолжили разговор.

— Анатолий Дмитриевич, Вы с 1948 года в театре сатиры... — начал я беседу.

— С 1947... — поправил Папанов.

— Но в словаре «Кино»...

— Все врут словари, — перефразировав известное выражение, рассмеялся он, и рассказал о своем приходе в театр. — До сих пор мучаюсь, Жанр наш очень ограничен, всего одно направление.

А затем я уже не стал использовать загодя припасенные вопросы, потому что разговор пошел совсем иной — вопросы друг к другу, ответы... О сатире и классике, об экологии и истории...

— А каким Вы запомнили 37-й год?

— Ну, что мне тогда было...

пятнадцать лет... Правда, за девками уже гонял. Но, помню, забирали людей из нашего дома. Помню ощущение какого-то страха. Вот некоторые говорят: «Зато дисциплина была». Врут! — отрезал Папанов. — Не было ее настоящей. Страх был. Еще высказываются, мол, Сталин войну выиграл. Народ ее выиграл. Я, например, на передовой никого никогда старше капитана не видел.

Потом фронтовик Папанов, который шагнул на передовую в кровавый первый год войны, с болью перенесет увиденное на экран в фильме «Живые и мертвые» по роману К. Симонова. Он сыграл в нем роль генерала Серпилина. Тоже, кстати, репрессированного в те годы человека, из лагерей ушедшего на фронт.

— Я считаю, что мне очень повезло в кино, — отозвался он об этой своей работе. — Все время играл отрицательные персонажи, а тут такой характер.

Он немного помолчал, а потом неожиданно сказал: «На войне я был старшим сержантом. Война — это моя молодость, моя жизнь. Мне же тогда 19 лет было всего. Сейчас никак не могу понять, как удалось выжить. А на фронте и не задумывался о смерти. Теперь осознаю, как все это тяжело... До сих пор помню день 26 февраля 1942 года.

Мороз под сорок. Лежим мы в снегу, засыпаем, замерзаем, а наш командир бегает под пулями — тормозит нас, ворочает...».

Незаметно мы перешли от молодежи сороковых к сегодняшней.

— Она же разная, — гневно говорил Анатолий Дмитриевич. — А молодежь наши «воспитатели» сейчас пытаются под одну гребенку... Она же стала, по сравнению с нами, более интеллектуальная, начитанная, и к сожалению, плоды прогресса — более черствая, жесткая. Но винить некого, мы же сами ее такой сделали, тем, что многое упустили в погоне за суетным...

— А какой Вы, Анатолий Дмитриевич? — Как относитесь к себе? — задал я, пред тем как попрощаться, последний вопрос.

— Отношусь по-разному. Академик Амосов как-то сказал, что если жизнь удалась на 15 процентов — значит, вы счастливый человек. И я, наверно, счастливый. Хотя постоянно нахожу в себе столько недостатков. Борюсь с ними, но безуспешно. Человек слаб, к сожалению.

Думаю, Анатолий Дмитриевич был тогда неправ. Он был сильным человеком. И в жизни, когда в молодости поднимался в атаку под Москвой, и потом, когда не боялся честно, откровенно говорить, что думает, делать, как находил нужным. И в своих работах на сцене, в кино это подтверждал. К сожалению, знаком он нам, в основном, с экрана. Но вспомните несломленного генерала Серпилина. И, конечно, образ Скоробогатова, в котором актер выразил страх и недоумение 37-го, и атаки 41-го, и мягкую чисто русскую интеллигентность, что была присуща Папанову.

Гнули Скоробогатова, а он выпрямился в полный рост. Не согнули. Да вот только: «Так хочется пожить...» Хотел пожить Анатолий Дмитриевич, поработать. «Я верю — теперь все будет по-другому...» — сказал его герой в фильме. Как это созвучно с тем, что говорил он мне в мае 86-го: «Время-то какое! Хорошего все больше, плохого все меньше! Пожить бы».

Не пришлось.

В. МИХАЙЛОВ.

157